

ПРОБЛЕМЫ ЭМАНСИПАЦИИ В МУСУЛЬМАНСКОЙ МОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

Гафаров А.А.¹, Саттарова А.И.¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия (420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18), e-mail: public.mail@ksu.ru

Статья посвящена анализу проблем исламской эмансипации в мусульманской модернистской литературе конца XIX - начала XX веков. В качестве исследуемого источника были использованы научные труды и публицистические произведения татарских, башкирских, азербайджанских, казахских (и др.) просветителей и религиозных реформаторов. Проведённый анализ выявил, что постановка проблемы эмансипации (как важнейшей части общей модернизации мусульманского сообщества) проходила в ходе жёсткой дискуссии с представителями академической науки, востоковедами христианско-миссионерского направления, тесно связанными с задачами имперской восточной политики. Вместе с тем мусульманским модернистам во многом на основе традиционной аргументации удалось внятно сформулировать задачи исламской эмансипации: раскрепощение семейно-правового положения мусульманских женщин, обеспечение доступа к получению ими образования, расширение их общественно-политических прав в целом.

Ключевые слова: исламская эмансипация, мусульманский модернизм, мусульманская модернистская литература, Российская империя.

THE PROBLEMS OF EMANCIPATION IN THE MUSLIM MODERNIST LITERATURE (THE END OF XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES)

Gafarov A.A.¹, Sattarova A.I.¹

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (420008, Kazan, Kremlin street, 18), e-mail: public.mail@ksu.ru

Article is devoted to the analysis of problems of Islamic emancipation in Muslim modernist literature of the end of XIX - the beginnings of the XX centuries. As the studied source scientific works and publicistic works of the Tatar, Bashkir, Azerbaijani, Kazakh educators and religious reformers were used. The carried-out analysis revealed that statement of a problem of emancipation (as most important part of the general modernization of Muslim community) took place in the course of rigid discussion with representatives of the academic science, the orientologists of the Christian and missionary direction who are closely connected with problems of imperial east policy. At the same time, Muslim modernists in many respects on the basis of the traditional argument managed to formulate problems of Islamic emancipation distinctly: liberation of a family legal status of Muslim women, ensuring access to receiving education by them, expansion of their political rights in general.

Keywords: Islamic emancipation, Muslim modernism, Muslim modernist literature, Russian Empire.

Бурная интеграция исламского мира в общемировые процессы, начавшаяся на рубеже XVIII–XIX вв., привела к активному вовлечению мусульманских стран в структуру международных политических, экономических и культурных связей. «Самым примечательным феноменом современной истории, - писал М. Икбал, - является та невероятная скорость, с которой мир ислама духовно движется в сторону Запада» [10, с. 30]. За сто лет в жизни мусульман произошли столь существенные перемены, едва ли не сопоставимые со всем тысячелетним периодом предыдущего развития. Модернизация стала естественной реакцией мусульманского сообщества на кризис традиционализма, многократно усиленный давлением колониальной системы.

Наряду с ведущими странами мусульманского Востока (Турцией, Египтом, Индией, Персией) модернизация в XIX веке охватила мусульман Российской империи, где процессы обновления наряду с общими тенденциями имели свои специфические черты. Вместе с прогрессом научного мировоззрения и светского образования, привнесением в жизнь мусульман новых технологий, а также элементов европейской культуры весьма актуальными в данный период стали проблемы эмансипации. В научной востоковедческой литературе и публицистике развернулась активная полемика по этому вопросу.

Целью статьи является анализ подходов и оценок, проявившихся в мусульманской модернистской литературе (конца XIX – начала XX вв.) в отношении проблем исламской эмансипации. Наряду с трудами отечественных мусульманских модернистов (М.Ф. Ахундова, А. Агаева, З. Камали, Р. Фахретдина, С.-Г. Султанова и др.) в данной работе будут рассмотрены мнения их оппонентов (по научной дискуссии) – представителей официального востоковедения (Катанов Н.Ф., Остроумов Н.П., Коблов Я.Д. и др.).

Методологической основой исследования является цивилизационный подход, важнейшие положения которого были разработаны в философско-исторических трудах Данилевского Н.Я., Шпенглера О., Тойнби А. и др. Они определили общую концепцию данного исследования, а также комплекс теоретико-методологических посылок и представлений о путях развития российского мусульманского сообщества. Цивилизационный подход позволил автору рассматривать мусульман России как часть общеисламской цивилизации, а трансформацию их жизненного уклада – в контексте общих процессов модернизации мусульманского мира. Очевидно, что методология исследования, связанная с целью статьи, потребовала обращения (наряду с цивилизационным) к системно-комплексному подходу, его основным элементам: структурно-функциональному, диалектическому, типологическому, герменевтическому, феноменологическому, сравнительно-историческому и другим методам. Вместе с тем были применены общенаучные методы, а также специальные – диахронный (метод периодизации), проблемный, хронологически-проблемный, метод синхронного анализа. Особое значение в свете специфики использованных источников (трудов мусульманских модернистов) имел метод контент-анализа. Междисциплинарный характер данного исследования предопределил обращение к методам религиоведческих, культурологических, источниковедческих и других гуманитарных наук.

Данные методологические подходы позволяют определить характер и специфику мусульманской модернистской литературы, степень её адекватности в отражении процессов эмансипации, произошедших в конце XIX – начале XX веков, в период надлома традиционализма и обновления жизненных устоев мусульманского сообщества.

Несмотря на признание проникновения в быт и культуру российских мусульман элементов европейской жизни, представители официального востоковедения считали, что ростки эмансипации в мусульманской среде имели исключительный характер. Об этом свидетельствует цикл статей Катанова Н.Ф. «Взгляд мусульманских народов на женщину» (1900). Эти публикации о нравах арабов, турок, персов, казанских татар не содержат и намека на какое-либо изменение положения мусульманских женщин [12]. В статье «Положение женщины мусульманки» (1906) Коблов Я.Д. констатирует: «рабыней она родится, рабыней она останется до конца жизни» [13, с. 181]. Шкапский О.А. также отмечает «рабское положение, в котором находится киргизская (казахская – А.Г., А.С.) женщина» [18, с. 6] и т.д. Подобный критичный подход во многом связан не столько с европоцентричной позицией в данном вопросе, но с официальной имперской политикой христианизации и русификации, которая усилилась во второй половине XIX века. В своём обличении ислама они не находили практически ни одной позитивной черты в мусульманской религии и культуре; «всё что не делается дурного в мусульманском обществе..., принадлежит исламу» [6, с. 84].

Вместе с тем для подобного вывода академических учёных в отношении эмансипации были определённые предпосылки. Со временем практически все сферы жизни отечественных мусульман подпали под действие общероссийских законов. Исключение составила область семейно-брачных отношений, где допускалось применение норм шариата. На окраинах же империи в практической жизни многие вопросы, не выходящие за пределы мусульманской общины, по-прежнему решались по шариату или адату (обычному праву). Сохранение норм шариата в семейно-брачных отношениях побудило Министерство духовных дел и народного просвещения к их изучению, чтобы учитывать в практической жизни. В результате в регионы с мусульманским населением направлялись соответствующие запросы. Так, в 1824 г. астраханскому губернатору были направлены Голицыным А.Н. «правила о магометанских супружеских делах», дабы «сообразить она с местными обычаями, живущих здесь Татар и, отобрав от них по сему предмету сведения, донести об оказавшихся его сиятельству» [8, л. 1-2, 6]. По этому запросу было открыто собрание из представителей высшего мусульманского духовенства (казиев и ахунов), а также «почётных от каждого общества стариков» для получения отзывов «по соображениям сих предметов». После четырёхмесячного обсуждения были приняты поправки в виде дополнительных 15 статей [8, л. 19]. Впоследствии мусульманское право было достаточно полно изложено в трудах государственного деятеля, исламоведа барона Торнау Н.Е.

Сфера семейно-брачных отношений, во многом определяющая общественное положение женщины, действительно отставала от общих процессов модернизации, несмотря на определённые подвижки в этой области. Даже мусульманские модернисты были вынуждены признать, что мусульманская женщина обречена «на самое тяжёлое беспросветное рабство» [3, с. 72] (А. Агаев «Женщина по исламу и в исламе», 1901). «В мусульманской умме, - по мнению З. Камали («Философия ислама», 1909-1911), - женщина находится в бедственном и несчастном положении, практически на уровне домашней скотины» [11, с. 212]. Однако при близких формулировках данные оценки сложившейся ситуации (в области общественных прав мусульманской женщины и нарождающихся тенденций исламской эмансипации) принципиально отличались по своему внутреннему смыслу и посылу.

Отметая огульные обвинения мусульманской культуры, С.-Г. Султанов отмечает изначальное стремление ислама к социальной гармонии [15, с. 37]. Осуждая затворничество женщин-мусульманок, он подчёркивает, что «полигамия теперь представляется скорее исключением, чем общим правилом, в наиболее цивилизованных мусульманских странах, например в Европейской Турции, Египте, Алжире и среди интеллигентных мусульман у нас в России» [16, с. 128, 129]. Затворничество мусульманских женщин, по мнению А. Агаева, совершенно неправомерно приписывают Мухаммеду. «Магомет наделил их (мусульманок – А.Г., А.С.) такими широкими правами, о которых даже некоторые современные законодательства, как, напр., французское, не решаются мечтать» [3, с. 82]. Индийский реформатор Амир Али даже выразил уверенность (ибо это – «мнение, разделяемое большинством мусульман»), что полигамия должна прекратиться в современном мусульманском обществе, поскольку многожёнство противоположно духу ислама [9, с. 381, 421].

При этом мусульманские публицисты, как правило, подчёркивали достоинства мусульманского брака, являвшегося, прежде всего, гражданским актом, обеспечивающим женщинам большие социальные гарантии, чем представительницам других конфессий. «Будущее нации, - подчёркивал Р. Фахретдин, - связано с крепостью семьи, которая, в свою очередь, зависит от уважительного отношения друг к другу со стороны мужа и жены». Однако «если нет единства и любви, то создание семьи невозможно, и необходим разрыв бракосочетания». Очевидно, право на развод защищает положение женщины. «Хотя Бог разводы не любит, но ещё больше осуждает он то, когда мужчина живёт и мучает жену, которую не любит и не считает своим жизненным спутником» [17, с. 99]. По мнению Ф. Карими, «ислам даёт женщинам больше прав, чем предоставлено их христианским сёстрам»; «превалирующее мнение о полной изоляции мусульманок также ошибочно». Хотя он

признаёт, что реальное обращение мусульман с жёнами пока находится «в противоречии с духом ислама» [7, с. 24-25]. «Причиной этих проблем, - пишет З. Камали, - является невежество нашего народа, его неумение пользоваться законами, которые имеются в шариате» [11, с. 212].

Принципиальным поборником женского равноправия выступал М.Ф. Ахундов, не ограничивавшийся в разрешении «женского вопроса» сферой семейно-брачных отношений. Ориентируясь на европейские стандарты, азербайджанский просветитель ратовал за уравнивание женщин «во всех правах человечества с мужчинами». «Говорят даже, - писал он, - что в иных странах Европы допускаются они к государственным должностям, не говоря ещё о том, что они в иных государствах занимают и престол, если по рождению имеют на то право». Во всяком случае шариат «в процессах судебных... должен применять главную основу конституции, заключающую в себе равенство в правах» мужчин и женщин. Таким образом, «исламу нужна реформация... устанавливающая свободу и равноправность обоего пола в человечестве, умеряющей восточный деспотизм мудрыми политическими учреждениями и предписывающей поголовную и обязательную грамотность всех мусульман и мусульманок» [4, с. 137, 155, 192]. В письме к Г. Зардаби (1877) Ахундов утверждал, что «польза науки реальна лишь тогда, когда... науку будут изучать люди обоего пола – и женщины и мужчины» [4, с. 284]. О том же писал казахский просветитель Абай: «надо создать школы, надо, чтобы население дало средства на эти школы, надо, чтобы учились все, даже девушки» [1, с. 265]. С подобным благим лозунгом – ввести образование женщин, соглашался и Абд ар-Рахман, эмир афганский [2, с. 262].

Выводы мусульманских модернистов о начавшемся процессе эмансипации и обновления мусульманского сообщества в целом вызвали откровенно негативную реакцию представителей официального востоковедения (Березин В.Д., Шкапский О.А., Катанов Н.Ф., Остроумов Н.П., Коблов Я.Д. и др.), решительно отрицавших какие-либо позитивные изменения в жизни мусульманской женщины. С критикой модернистов, защищавших правовые достоинства мусульманского брака, выступил Коблов Я.Д. Однако при этом он не мог не признать, что «среди здешних (казанских – А.Г., А.С.) мусульман замечается сравнительно меньше пристрастия к многожёнству, чем на востоке, а в последнее время, можно сказать, полигамия совсем выводится из употребления и брачная жизнь принимает более нормальные формы» [13, с. 183]. Остроумова Н.П. также новейшая мусульманская литература ни в чём не убедила. Он остался верен себе: в 1903 г. выпустил в ответ модернистам новую книгу «Коран и прогресс. По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман», направленную на разоблачение мусульманского модернизма. Целью их изысканий было показать изначально ложный характер

мусульманского учения, а соответственно – невозможность развития российских мусульманских народов на основе присущего им цивилизационного фундамента. Произошедшие же позитивные изменения они целиком объясняли исключительно благотворным влиянием европейской колониальной политики, ведущей к социокультурной ассимиляции.

Впрочем, «исламоборческий» подход никогда не носил всеобъемлющего характера и не был характерен для демократической печати. Многие российские учёные и публицисты выступали с активной поддержкой мусульманского модернизма. Так, против насаждения ксенофобии и религиозной нетерпимости выступил известный религиозный философ Соловьёв В.С. Он был одним из близких друзей ахуна А. Баязитова. Биографический очерк Соловьёва «Магомет, его жизнь и религиозное учение» (1896) во многом был написан при участии и под влиянием Баязитова, уже имевшего опыт описания жизни пророка (1881). По выходу книги Соловьёва Баязитов опубликовал в «Неделе» рецензию – «Что проповедует ислам» (1896). Татарский модернист отмечал, что в отличие от завзятых «порицателей ислама», которые «не утруждали себя вникнуть в истинный смысл цельного учения, ограничиваясь лишь отдельно взятыми отрывочными фразами», Соловьёв рассматривает деятельность пророка и его учения в историческом контексте становления и развития новой религии. Это, в частности, относится к расхожим обвинениям ислама в фанатизме, культивировании многожёнства и т.д. [5].

Выход книги Баязитова «Отношение ислама к науке и к иноверцам» (1887) нашёл, в своё время, весьма положительный отзыв в «Московских ведомостях» [19]. Автор рецензии, квалифицированно разбирающийся в проблемах исламоведения, хорошо знающий арабский и русский языки, опровергает предвзятые мнения об исламе. Он отмечает высокое общественно-политическое положение женщин в мусульманском мире, веротерпимость ислама и т.д. В своих работах известный востоковед Наливкин В.П. также выступил против огульного отрицания уклада жизни мусульман. Например, скрупулёзное изучение женского вопроса («Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», 1886) привёл его к неожиданному для европейских учёных выводу. «В некоторых, по крайней мере, отношениях, положение мусульманской женщины лучше, а круг её личных прав неизмеримо шире, чем у женщин европейских народов» [14, с. 138]. Очевидно, что демократически настроенные авторы России, с уважением относившиеся к культурной самобытности мусульманских народов, допускали модернизацию (решение проблем эмансипации в частности) в русле сохранения их этноконфессиональной идентичности.

Таким образом, несмотря на бурную полемику, мусульманским модернистам удалось выдвинуть вопрос об эмансипации мусульманской женщины. Решение этой проблемы они

видели, прежде всего, в рамках раскрепощения мусульманок в семейно-правовой сфере, предоставления возможностей получения полноценного образования и повышения их общественно-политических прав в целом. Вместе с тем эмансипация, по мнению мусульманских реформаторов, наряду с европейскими ориентирами должна развиваться на основе культурно-духовных ценностей исламской цивилизации.

Список литературы

1. Абай. «Свою судьбу от мира не таю...» Избранное. – Алматы : Изд-во «КРАМДС – Ахмет Яссауи» Казахского ПЕН-клуба, 1995. – 299 с.
2. Автобиография Абдурахман-хана Эмира Афганистана. Издано султаном Магомет-ханом. В 2-х томах / перевёл с англ. Генерального штаба полковник М. Грулев. – СПб. : Издал В. Березовский комиссионер военно-учебных заведений, 1901. – Т. II. – 407 с.
3. Агаев Ахмед-бек. Женщина по исламу и в исламе // Кавказский вестник. – 1901. – № 3 (март). – С. 72-103.
4. Ахундов М.Ф. Избранные философские произведения. – Баку : Азернешр, 1982. – 340 с.
5. Баязитов А. Что проповедует ислам // Неделя. – 1885. - № 36. – 8 сентября. – С. 1164-1168.
6. Березин И. Мусульманская религия в отношении к образованности // Отечественные записки. – 1855. – Т. ХСVIII. – С. 1-40, 82-108.
7. Вамбери А. Пробуждение татар // Татарстан. – 1996. - № 11. – С. 22-30.
8. Государственный Архив Астраханской Области. - Ф. Ф-488. - Оп. 1. - Д. 483. - Л. 1-2, 6, 19.
9. Жизнь и учение Мухаммеда или дух ислама / [Саид Амир Али]. – Берлин : Издание Гуго Штейница, 1902. – Т. I. - 437 с.
10. Икбал Мухаммад. Реконструкция религиозной мысли в исламе / пер. с англ., предисл. и коммент. М.Т. Степанянц. – М. : Вост. лит., 2002. – 200 с.
11. Камали З.Д. Философия ислама : в 2 т. / пер., вст. сл., прим. и ком. Л. Алмазовой. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2010. – Т. 1: Часть I. Философия вероубеждения. - 319 с.
12. Катанов Н. Взгляд мусульманских народов на женщину // Деятель. – 1900. - № 3. – С. 137; № 6-7. – С. 284-285; № 10. – С. 425-426.
13. Коблов Я. Положение женщины мусульманки // Церковно-общественная жизнь. – 1906. - № 5. – 20 января. – Стб. 179-183.
14. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта туземной женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань, 1886. – 244 с.
15. Султанов Хаджи-Салим-Гирей. Наблюдения над жизнью казанских татар // Наблюдатель. – 1901. - № 6 (июнь). – С. 27-43.

16. Султанов Хаджи Салим Гирей. Священная область мусульман в Аравии (Из воспоминаний паломника) // Землеведение. Кн. I-II. – 1901. – С. 85-144.
17. Фахретдинов Р. Жить по совести / перевод Мадины Рахимкуловой. Оренбург // Аргатак. – 1994. - № 3. – С. 89-99.
18. Шкапский О.А. Положение женщины у кочевников Средней Азии // Среднеазиатский вестник. – 1896. – июнь. – С. 1-19; июль. – С. 34-53.
19. Н. Новое исследование об исламе. Отношение Ислама к наукам и к иноверцам. С.-Петербургского мухамеданского Ахуна Атаулла Баязитова // Московские ведомости. – 1887. - № 218. – 10 августа.

Рецензенты:

Набиев Р.А., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Циунчук Р.А., д.и.н., профессор, профессор кафедры мировой политики и международных экономических отношений Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.